

ГРИМЕР

ЯДВИГА ВРУБЛЕВСКАЯ

Ядвига Врублевская

Гример

«Издательские решения»

Врублевская Я.

Гример / Я. Врублевская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517774-2

Большинство людей надеется жить если не вечно, то хотя бы очень долго. Если вы на это рассчитываете, то напрасно. Увы, дорогие дамы и господа, вероятность вашей смерти в течение этого года составляет 1:119. Когда вы дочитаете это предложение, в мире умрет около трех человек. Три человека еще одиннадцать слов назад существовали, а теперь их нет... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-517774-2

© Врублевская Я.
© Издательские решения

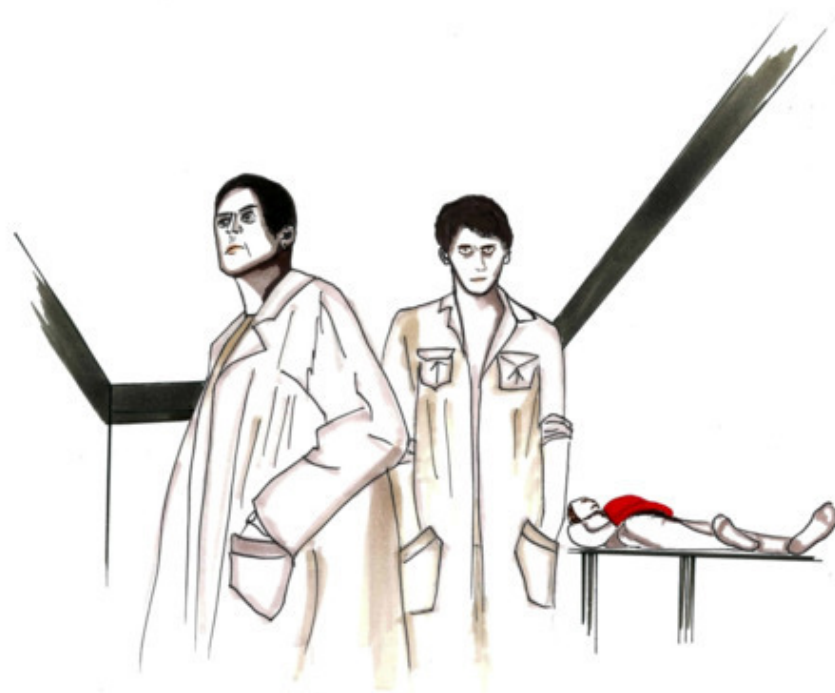
Гример

Ядвига Врублевская

© Ядвига Врублевская, 2022

ISBN 978-5-0051-7774-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Большинство людей надеется жить, если не вечно, то хотя бы очень долго. Если вы на это рассчитываете, то напрасно. Увы, дорогие дамы и господа, вероятность вашей смерти в течение этого года составляет 1:119. Когда вы дочитаете это предложение, в мире умрёт около трёх человек. Три человека ещё одиннадцать слов назад существовали, а теперь их нет. Я тот, кто постоянно сталкивается со смертью, но ни черта в ней не понимает. А между тем, в нашем мире есть люди, которые действительно в этом разбираются. Я говорю не о священниках, нет. Я о судмедэкспертах и патологоанатомах. Эти граждане, кстати, разные. Нам в наше нелёгкое время требуются чаще первые. Вторые ходят к покойникам спокойным, умершим, как приличные люди, в своей постели от разрыва сердца или рака, или ещё чего-то невероятно банального. Первые – это те же следователи: они докапываются, кто и как «зажмурил» бедолагу. Потом они пишут отчёты, а потом уничтожают их, если птица, «зажмурившая голубчика», больно высокого полёта. Кому хочется Икаром лететь, а потом рядом со своим же вскрытым лечь за бумажку? Уж кто-кто, а судмедэксперты действительно понимают, насколько ироничной и глупой может быть жизнь и насколько ещё более сатирической может выйти смерть. А я так – на подхвате. Всего лишь гримёр. Свои обязанности я получил от дяди Вовы – престарелого алкаша с жутким тремором рук. Потому и ушёл, а не потому, что надоело. Гримировать покойников не может надоест, если вы сюда попали, будьте уверены: вы с ними навсегда.

Кстати, и пил дядя Вова вовсе не потому, что работа тяжёлая. Нет, просто женился неудачно. Всегда мне говорил: «Я свою гримзу по трезвости видеть не могу, такая она у меня страшная. И чего бабы красивые дохнут, бывает, гримируешь, а такая кукла, хоть в загс, ан нет: тон наложишь, румянами подмажешь и – в гроб, а там уже и родственники, готовые критиковать работу творца». Кстати, эти, несмотря на горе, почти всегда найдут повод чем-то быть довольными. Всем им кажется, что мы их родных изуродовали, а то, что человек, мягко говоря, после смерти вовсе не молодеет и даже не стареет, а начинает попахивать – это им побоку. Не человек в гробу лежит, а тело. Тело оно такое: стремительно разлагается, старается исчезнуть. Дядя Вова всегда говорил: «Без души тело не может быть, потому оно ассимилируется». Это верно: странно смотреть на тех кукол, что мы делаем. Теперь уже делаю я один.

Кстати, дядя Вова около месяца назад умер, почти сразу после жены, я его сам и гримировал. Он, видимо, предвидя такую оказию, успел себе сделать татуировку на подошве: «Привет работнику лучшей косметической забегаловки. Сеня, двойной раствор, двойной!» Я был растроган, увидев это последнее напутствие своего учителя. Сделал, как для себя. Если бы можно было себя гримировать... И, в общем-то, с его смерти – моего доброго наставника – всё это и началось. Точнее, закончилось, потому что сейчас я уже не гримёр.

Но сначала я расскажу о том, как вообще попал в гримёрню. В школе я был круглым троечником, ничего меня не интересовало, будущее виделось туманным, да и не могло оно быть другим. Откуда ему взяться – будущему, когда с матерью на пяти квадратных метрах жили?! Окончил школу лбина этакая, и куда? В армию, конечно. Не взяли. Даже туда меня и то не взяли – по состоянию здоровья. Другие матери бьются, пороги докторов продажных обивают, чтобы их драгоценное умненькое чадо не служило, чтобы их мозги ценные сберечь. А мои неценные мозги никому не нужны оказались. А ведь мог два года на госхарчах сидеть и в ус не дуть. Матушка моя была женщиной негрозной, другая бы уже сына-лбину поносила на чём свет стоит: школу окончил, ни черта бездельник не делает, на материнском горбу паразитирует. Поговорила она с соседкой, а та ей шепнула, что-де в колледже местном как раз набор идёт и всегда там не хватает студентов. Так любых берут, даже без экзаменов. Пошёл в колледж, точно: народ стоит. Все с документами: справки 086, аттестаты, фотографии. И я – великовозрастный детина, высокий, под два метра ростом. Нет, надо же – в армию не взять, а? И всё девки стоят. Колледж-то оказался с уклоном. Специальности как на подбор: парикмахер-стилист первого разряда, закройщик второго разряда, визажист-стилист и т. д. Посмотрел направления, ну и принёс документы на визаж. Там недобор был. Все местные уже обучались на курсах Павла Костромского – приезжего петербургского «павлина», а родной колледж был забыт.

Учёба была, скажу честно, дай боже. И можно было понять, почему все местные предпочли к Костромскому ходить учиться. Но и то было неплохо – какая-никакая профессия. Пока мазал лица своим бывшим одноклассникам, они все замуж успели повыскакивать; а я три года отходил, и всё то время работал чёрте кем. И вот выдали мне диплом о среднем специальном. Надо ли говорить, что в Вузице никакие стилисты не нужны?! Две парикмахерские и одна студия Павла, куда меня в любом случае не приняли бы. Помаялся, помаялся, а тут в газете объявление: мол, требуется гримёр, можно без опыта, и телефон ниже. Так я и попал в морг. Ну, не совсем морг, официально статус морга нашему заведению присвоен не был. Но, если в главном морге «жмуров» было больше, чем номеров, а такое часто бывало, везли к нам и здесь же вскрывали. Место, скажем, специфическое, но мне выбирать особо было не из чего. Грузчиком наработался, хватит.

Первый день в моей новой должности был таким насыщенным, что вечером я повалился спать, даже не выкупавшись. Мать тогда так и сказала: «Покойником от тебя, Сенечка, несёт». Ну, несёт – и что? Человек после рабочего дня ещё обязан стоять и намыливать? Если силы

есть – да, а если нет? Всё равно завтра опять у станка стоять. Дома в тазиках много не намоешь. А в гримёрне нашей вода только холодная.

Но работа была хорошая, весёлая даже, но иногда нервная. Привезли как-то к нам одного: морда разбита, в башке пуля, материал ни к чёрту. А над душой четверо уголовников – натуральные такие лбины с лысыми черепушками. Вузица – это вам не Москва, тут всё ещё территорию люди делят. Сказали, чтобы, аки принц, был к завтрашнему дню. Дню... На часах уже девять вечера. Промаялись мы с ним всю ночь. Пока дырку замазывали, пока раствор подбিরали, пока накачивали «голубчика» двумя литрами, а то и больше. Тучная фигура, значительная. Меня трясло жутко: эти четверо так и просидели у нас в приёмной, и у всех по пушке. Вы вот сможете в таких нервных условиях работать? Дядя Вова мог, и мне налил тоже. Принц не принц, а мужик выглядел презентабельно. Это мы уже потом второй раз чуть от страха не обосрались, когда к нам через две недели милиция нагрянула, потребовала дать записи и расспрашивала о Шайталове Николае Петровиче. Местный авторитет, что ли? Чёрт его знает. Только менты все документы посмотрели, потребовали «жмуриков» всех показать, что были. Дураки: у нас неделю никто не лежит, поток приличный, хоть и город небольшой. А куда бы мы их девали, если бы одному «жмуру» на неделю хазу давали? Негде ему, «голубчику», лежать. В общем, дядя Вова отмазал нас. Я тогда от страха похудел на два кило за сутки. А дядя Вова отпаивал меня фирменной своей настойкой и говорил: «Не дрейф, Сеня, таких тут знаешь, сколько будет? Смерть, она рука об руку с криминалом всегда идёт».

В пятницу, когда народ особенно любит загулять, всегда нужно готовиться, потому что к субботе обязательно кто-то по дурости своей башку себе снесёт или разобьётся на машине, или постреляет, ну всякое может быть. Но сама пятница обычно тихая, сидишь себе, зашиваешь клиента, ватой его набиваешь, жиденькие волосёнки укладываешь, румяна ему накладываешь. Красавец, хоть в загс веди. В общем, самое лучшее время, а к ночи начинается: «Сенька! Завтра – двоих, и в воскресенье – один. Лица нет, придётся клеить». Вот эту заразу ненавижу. С лицами всегда тяжело работать, родственники же потом тебя самого загрызут и рядом с покойничком уложат.

И вот позвонили мне как-то в пятницу, говорят, на место ехать. Почему на место? Нам на месте делать вообще-то нечего. Мы уже опосля всех других покойника в свои руки берём. Но начальство сказало, значит, чемодан в зубы – и вперёд. Водилы у нас не было, хотя штатная единица числилась. Спасибо, что машину дали. Вообще, Вузица – город небольшой. Да и пробок у нас нет, как и светофоров. Все по правилу правой руки ездят. И всё равно умудряются в столб или друг в друга въехать, переехать кого-то. Что за люди?

Старорусская улица – хорошо известное место, сам я тут от силы два раза был, но покойников отсюда видел. Плохие они, порченые все. Тучные и быстро разлагаются, трупные пятна ничем не уберёшь, обесцвечивать приходится. Лучше, когда покойничек сухой да тощий, такого любо-дорого гримировать. Но нет, некоторым при жизни нужно раскормить свою тушу, чтобы потом некий Сеня Сухарев маялся с ними. Эгоисты.

Заехав на Старорусскую, я сразу увидел толпу. Любопытно людям, кто там откинулся. Толпе всегда такие вещи интересны: кого в кутузку увозят, кто кому морду набил, кто уже никогда не встанет. Это, наверно, память о прошлом, когда люди жили интереснее, ну и умирали быстрее. Сейчас жизнь, несмотря на экологию, низкие зарплаты и прочие невзгоды – длинная и довольно унылая. Потому люди и не берегут свои головы. На что они им?

У подъезда дома номер шесть ждал Альберт Аристархович – судмедэксперт, я его знал условно, встречались пару раз, плюс дядя Вова о нём рассказывал. Они вместе учились. Одного я понять не мог: почему Кручинский судмедэкспертом стал, а дядя Вова – гримёром. Рядом с Альбертом Аристарховичем стояло двое его мальчиков – помощники, значит. Уж они его любили, в рот заглядывали. Кручинский – личность самовлюблённая, ему это внимание, как

бальзам по сердцу. Да только вырастут мальчишки, уедут из Вузицы, забудут учителя своего, а он и сопьётся от нереализованных амбиций.

Рядом с помощниками стояла милиция. Мокруха, что ли?

– Наконец, приехал, – сказал без прелюдий Альберт Аристархович, выплёвывая сигарету и протягивая руку. – Мог бы и побыстрее.

– Да я сразу, как позвонили, – мои вялые попытки оправдаться Кручинский не слушал. Схватив меня за рукав и потянув к подъезду, он *бросил*:

– Идём.

– Зачем я вам? – спросил я его, открывая плохенькую дверь парадной. Толпа заинтересованно шепталась.

– Владимир говорил, что после его смерти ты будешь этим заниматься.

– Чем – этим?

Альберт Аристархович окинул меня недоверчивым взглядом и раздражённо цыкнул. Вплоть до третьего этажа Кручинский молчал, а перед самой дверью резко обернулся и спросил:

– Неужели он совсем тебе ничего не рассказывал? – почему-то в его голосе мне почудилась насмешка и нотки самодовольства. Вроде как его посчитали нужным информировать, а меня – нет.

– Смотря, о чём, – туманно ответил я, решив поддержать это своеобразное состязание.

– Ясно, не рассказывал, – ещё более насмешливо ответил Альберт Аристархович. – Ну, проходи.

Кручинский открыл дверь и пропустил меня в узкий тёмный коридор. В воздухе появился отчётливый запах. Этот сладковатый смрад мне был хорошо знаком. Пройдя внутрь, я направился прямо, но Альберт Аристархович вдруг схватил меня за шею и повернул направо, к двери. В замшелой комнате, где уже лет пятьдесят висел на стене ковёр, а мебель представляла собой разномастные ДСП-предметы чешского производства, лежало тело. Это был длинный худощавый человек, скорее, даже измождённый, покрытый тонким слоем пузырящейся слизи. Слизь эта появилась в результате разложения тканей. Старик был абсолютно наг. Его вялые гениталии были перевязаны шнуром и посинели ещё при жизни.

– Результат сексуальных утех? – спросил я с интересом.

Альберт Аристархович хмыкнул.

– Не туда ты смотришь, Сеня, – сказал он хрипло. – На голову его посмотри.

Я взглянул на голову и только сейчас заметил, что в районе висков имелись ожоги, свидетельствующие о применении электрошока:

– Он пациент психиатрической?

Судмедэксперт не ответил. Он довольно смело осматривал ящики убитого, явно что-то там выискивая.

– Что вы делаете? – Кручинский посмотрел на меня и прижал палец к губам, призывая к молчанию. Я услышал шаги на лестнице, и через минуту на пороге появился тучный следователь с одышкой. Он взглянул на Альберта Аристарховича, скользнул незаинтересованным взглядом по мне и как-то неохотно подал Кручинскому руку.

– Здравствуйте, Альберт Аристархович, ну что? Опять? Откуда ж они такие берутся?

– Это уже ваша специфика, – сказал Кручинский.

– Альберт Аристархович, если вы закончили...

– Ещё нет, это мой помощник, – судмедэксперт показал на меня. – Арсений Сухарев.

Следователь мне кивнул, я ему тоже.

– Тогда, как закончите, отчёт мне и фотографии надо бы...

– Фото уже сделали, – ответил Кручинский. – У вашего лейтенанта спросите. И, Виктор Михайлович, давайте, мы закончим, тогда уж...

– Хорошо, – ответил следователь и без всякого недовольства ушёл.

– Разве вы входите в их группу? – спросил я с интересом.

Альберта Аристарховича, работающего на кого-то, было сложно представить.

– Не вхожу, – ответил Кручинский и вновь принялся обыскивать ящики. – Но у них людей нет, вот они и привлекают всех, кого можно.

– Что вы ищите? – спросил я вновь.

Альберт Аристархович не ответил. Несколько разочарованный поисками, Кручинский ещё раз обвёл комнату глазами.

– Идёмте, Сеня, – сказал он, наконец. – Мы здесь закончили.

– Да вы же даже тело не осмотрели!

– Мы его позже осмотрим, у вас.

– У меня? А заключение?

– Заключение уже написано, знали бы вы, сколько я их уже написал. Идёмте, – он подхватил меня под локоть и потащил к выходу. – Только молчи. Я тебе потом всё объясню.

Было бы неплохо, особенно ту часть, где он открыто шарил по чужим ящикам.

Когда мы вышли на улицу, я вдруг осознал, что от меня невероятно смердит. На улице стояла тёплая осень, воздух был чуть прохладным и свежим. На его фоне мы с Альбертом Аристарховичем сами пахли, как гнилушки. Ну и чёрт с ним. От меня после смены и похуже, бывало, пахло. Альберт Аристархович переговорил с Виктором Михайловичем, а потом повёл меня к моей же машине.

– Со мной поедете? – удивился я, садясь за руль. Кручинский сел рядом и тут же закурил.

– Хотя бы окно откройте, – попросил я.

– Что ж ты – гримёр, а не куришь?

– Странно слышать такие предрассудки от судмедэксперта. А вы, почему не алкаш конченный?

– Всё ещё впереди, – ответил он.

– Ну, так и у меня всё ещё впереди.

– Это верно, – сказал он. – К себе вези.

Я молча завёл машину, и мы тронулись. В это время года приятно вот так ездить. Домишки все маленькие, четыре этажа самое большее, довоенные, с украшениями всякими, лепниной, которая периодически отваливалась, а потом клеилась обратно и замазывалась штукатуркой. Дорога ни к чёрту, но торопиться некуда. Так едешь спокойно, смотришь на солнце осеннее, и хорошо делается. Никакой спешки, никаких происшествий. Разве что – трупы странные. Ну что ж, бывает и такое: бандюги-то не перевелись. А с другой стороны, кроме нашей конторы по гримированию никого больше нет. Кто ж хорошего нужного человека убивать будет, даже если он авторитету нос криво замазал? Гримёр, он, как врач – человек необходимый. К тому же не болтливый, найди другого такого же. За такими мыслями я неожиданно для себя самого доехал до нашего *морга*. Альберт Аристархович ни слова не проронил, всё курил как-то нервно. А я гадал, что это с ним. Он же не такой человек, чтобы курить от нервов. Он был пижон и курил манерно, чтобы дамочки велись. И они велись. И хотя Альберту Аристарховичу пятьдесят пять стукнуло, он всё ещё был бодрым, подтянутым, моложавым, одним словом. После отпуска приезжал загорелый, это в нашу-то глушь. В общем, первый красавец, одно плохо – судмедэксперт. А туда идут люди специфические: циничные, иногда равнодушные, иногда вовсе психопаты, потому что натура сострадательная работать там не сможет. Сопьётся, вот как дядя Вова.

Мы вышли, потоптались на проходной. Я Палычу – охраннику нашему – сказал, что привезут к нам «голубчика» к обеду, а сам повёл Альберта Аристарховича в свои хоромы, которыми теперь всецело заведовал. Был у меня новый помощник, зелёный, как я, ещё больше пуганый, вечно у него руки дрожали. Я, кстати, Антона из своего же колледжа выпепил. Он только-

только корочку свою получил. Работал больше на подхвате, «голубчиков» ему не доверял. Да он бы и не смог сам. На то, чтобы переквалифицироваться мазать мёртвые рожи с живых, время нужно. Мне, конечно, сильно знаний наставника моего не хватало. Иногда приходилось записи перечитывать. Лучше бы, конечно, было нанять медика какого, или химика, но симпатия к выпускникам Вузнического колледжа моды и дизайна имени Турхана Власовича Бодярова, победила.

– Чай будете? – спросил я Кручинского, включая электрический кофейник в розетку. В нём я всё кипятил. Даже яйца варил, бывало. Хорошая вещь.

– Владимир тебе должен был дневник оставить, – вместо ответа сказал Альберт Аристархович, по-хозяйски располагаясь за моим рабочим столом.

– Дневник? – не понял я... – А, записи об эфирах... Да, тетрадка такая убогая. У меня уже своя есть, – не без гордости ответил я.

Альберта Аристарховича мои слова привели в состояние странного помешательства. Он вскочил, подошёл ко мне и, схватив меня за грудки, как следует встряхнул.

– Выбросил? Ты что, дурак, её выбросил?! Отвечай!

– Да чего вы орёте, – сказал я спокойно, отталкивая его. – Не выбрасывал я ничего, всё в коробки, и в архив.

– Сейчас же иди в архив и найди её.

– Альберт Аристархович... – начал, было, я, желая его отчитать. – Вот люди, а? Приходят к другим на работу и отчитывают, за ниточки дёргать желают, чтоб я, значит, прыгал повыше, когда они мне команду дают...

– Сенька, – сказал он гневно. – Сейчас же в архив и найди записи! Иначе я тебя самого в эфир замариную.

Я почему-то послушался. Посмотрел на то, как у него глаза гневно горели, и послушно пошёл в архив. Кто его знает этого Кручинского, он, конечно, мариновать меня не станет, но вполне может за записи умершего друга придушить. Такой уж он человек. С дядей Вовой они были очень дружны, иногда мне это казалось странным. Такие они разные люди были и, на мой взгляд, сойтись никак не могли. Однако Кручинский бывшего моего начальника считал самым близким приятелем. И на похоронах был таким подавленным, что и слова не проронил. Я потом видел, что плакал он молча. Человек-загадка – Альберт Аристархович, да и дядя Вова тоже.

В архиве было темновато, одна тусклая лампа горела по центру. Это он называется архив, а на самом деле так – комнатка тёмная три на четыре. Ничего особенного. Сюда пару стеллажей как-то поставили железных, так вот дядя Вова сюда и повадился бумажки архивные складывать. Ничего это, конечно, не учитывалось, пылилось, так как хранить нужно было. Всё ж по ГОСТам. Вот и хранили. Потом крысы у нас завелись, часть бумаг поедено было. Сыро тут, и пахло плесенью. Коробка с записями моего незабвенного учителя стояла в том же самом углу, где я её и оставил. И тетрадка его на самом верху, целёхонька. Никому не нужна она здесь. Я обрадовался, значит, моё убийство откладывалось на некоторое время. Взяв потёртую книжечку, я выключил свет и пошёл обратно по длинному коридору, едва-едва освещённому, выкрашенному синей краской и от того ещё более мрачному. Пока шёл, открыл записи, решив посмотреть, что там такого важного, что Кручинский на меня, как пёс цепной, набросился. Открыл записи и сразу конверт белый нашёл, простой, только выведено по центру «Сене». Как же это я его не заметил? Вскрыть или нет? Подождать пока... Я почему-то с опаской посмотрел назад, словно почувствовал, что в спину кто-то упёрся взглядом. Никого, только дверь в архив, измазанная белилами. Сложив конверт вдвое, я положил его в карман джинс. Не нужно Альберту Аристарховичу видеть его. Он, может, и близкий друг, но дядя Вова мне писал, а не ему.

Когда я открыл тетрадь, то ожидал увидеть довольно скучное чтиво – пособие по первичной обработке тела, дозировки и описание составов. Однако тетрадь была исписана датами и напоминала, скорее, дневник. Первая запись была довольно обыденной и касалась повседневных дел, зато чуть дальше дядя Вова описывал нечто странное: жизнь некоего племени, населяющего когда-то территорию Вузицы. Последние записи были сделаны явно второпях, сильно дрожащей рукой. Складывалось впечатление, что писавший делал это тайком. Сам текст был странным: *Он придёт за мной, он чувствует страх. Ещё никто не уходил живым...*

– Ну? – нетерпеливо спросил Кручинский, поворачиваясь ко мне. – Нашёл?

Он увидел записи в моих руках и подошёл ближе.

– Нашёл! – воскликнул Альберт Аристархович.

– Ничего не понимаю, – сказал я. – Зачем дядя Вова писал это?

Кручинский забрал у меня записи и пролистнул их.

– Он ничего внутри не оставлял? – спросил Альберт Аристархович, подозрительно меня оглядывая.

– А что он должен был оставить? – спросил я, желая уйти от прямого ответа.

– И то верно, – несколько разочарованно сказал Кручинский. – Главное – это записи.

Он с какой-то ностальгией вглядывался в кривоватый почерк дяди Вовы, явно не желая расставаться с дневником.

– Почему? Вы объясните, наконец? Зачем вы меня вызвали? Странная смерть, и что? Мало ли таких? Вот у нас в прошлом году вообще тело без головы нашли, а голова в соседней области была найдена. Тоже, знаете ли, не раскрытое дело, зато волокиты куча: кому труп принадлежит, выясняли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.